

убеждение в реальной реальности такой жизни порождает понимание того, что существует высший мир, который помогает людям. Не случайно Западносибирская тюркская династия в своих понятиях называлась Хан-Тенгри. Сущность бытия и его духовный облик до сих пор сохранился у сибирских тюрков. Его взгляд на небо как на цель тщательного анализа и определения направления переселения могучего бога способствовал его мировоззренческому поклонению Тенгри. Из этого следует, что утверждение может быть полностью связано с утверждением о том, что существует совпадение между реальным небесным объектом и его проповедью как духовного символа живого мира.

Список литературы:

- 1 Павлинская Л.Р. Сибирь – Россия – Евразия // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т. II. - СПб, 2002.
- 2 История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. - М., 1993.
- 3 Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. - СПб., 2006.
- 4 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. 1964, С. 5.
- 5 Филипп Иоганн фон Страленберг. Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии. 1988, с 3-4.
- 6 Досманбетов, Б. С. Түркі халықтарының қалыптасуы / Б. С. Досманбетов. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2015. - № 19.2 (99.2). - С. 1-6. - URL: <https://moluch.ru/archive/99/22479/> (дата обращения: 24.11.2021).
- 7 Матюшин Г.Н. Мезолит Западного Зауралья. 1989, с. 144, 146-147.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ И КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО ВРЕМЕНИ

Жумабек К.

Научный руководитель: к.и.н., ассоциированный профессор Бекмагамбетов Р.К.
Костанайский педагогический институт им. Султангазина.

kanat.salt.76.zhumabek@mail.ru

История взаимоотношений степных обществ и Китая уходит корнями в древность. Она начиналась еще до бронзового века в Азии, и появления письменности. Она довольно обширна, сложна и мало раскрыта в Казахстане. Несмотря на то, что история Казахстана изучается с древних времен, суть внешней политики кочевых государств, не только в отношениях с китайской цивилизацией раскрывается редко.

Нередко появляются материалы, довольно претенциозные по теме Китая. Например, совсем недавно, в 2017 году появилась статья за авторством писателя Жумажана Байжумина, под названием «Тюркские корни древней цивилизации: казахи произошли от китайцев?», где утверждается, что за создание и развитие китайской цивилизации были ответственны именно кочевники, причем почему-то именно тюркоязычные и прямо с неолита. Утверждается даже, что мифический китайский император Хуан-ди был кочевником. Это только один пример подобной деятельности. В сети часто распространяется либо неполная, либо совсем искаженная информация о кочевниках и их связях в Китае. Во многих материалах, как и в этом допускаются ошибки в названиях, периодизации, географии. Нередко авторы «пытаются» разобраться в лингвистических проблемах, касающихся тех или иных китайских названий, при этом путаясь даже в названиях периодов. И такие материалы распространяются, иногда даже на новостных сайтах.

При этом, на самом деле, доступных источников, тем более в ХХ веке вполне хватает, даже для простого, общего ознакомления с тем или иным периодом. До этой статьи в своих работах тему отношений древнего Китая и кочевников раскрывали многие авторы. Одними из основных источников о древнем Китае вообще являются, конечно, труды Бичурина, и В.В. Бартольда, которые перевели сведения из китайских династических хроник. Историю взаимоотношений древних кочевников хунну и средневековых тюрок раскрывает в своих трудах Л.Н. Гумилёв. Почти все их работы находятся в открытом доступе, в том числе и «История Народа Хунну». «Хунну в Китае», и «Древние тюрки». Также большую работу проделал китаевед В. Таскин в его труде «Материалы по истории кочевых народов в Китае». Из зарубежных трудов, есть «Опасная граница», за авторством Томаса Барфилда. Книга рассматривает контакты китайцев и различных кочевников с древнего времени до заката средневековья. Еще одним объемным трудом является работа под названием «Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» И.В. Кюнера.

Стоит также отметить огромное количество работ по этой теме от китайских авторов, которые также несложно найти в открытом доступе. Существуют даже оцифрованные документы китайских династических хроник, так что при желании можно даже сверить то, что написано в трудах Бичурина и в «оригинале». Однако они в основном не переведены не только на русский, но и на английский языки. Даже в переведенных китайских источниках, проблеме отношений с кочевниками уделяется большое внимание, особенно оно заметно в труде СымаЦяня.

То есть, сам пласт информации по теме не маленький, притом достаточно подробный и понятный. И несмотря на это, осведомленность о взаимоотношениях Китая и кочевников, по моему мнению, рассмотрена недостаточно подробно. Тема не освещается хорошо, иногда даже при изучении курсов истории тюркских народов, древнего, или средневекового Казахстана.

Сама связь с Китаем также была выбрана из-за того, что именно на севере Китая основывались самые сильные и сложные кочевые империи. Это и хунну, и тюрки, и монголы. Здесь начинались их завоевания и отношения с соседями, уже потом кочевники обычно достигали Восточной Европы появляясь там в исторических источниках.

Кочевники впервые упоминаются в китайских источниках в период Шан (1554-1046 гг. до.н.э). На этом этапе еще не было никакой систематизации данных. К тому же видимо здесь даёт о себе знать проблема специфики самого китайского языка, и интерпретаций тех или иных слов или источников более поздними китайскими хронистами. Поэтому названия кочевников в этот период разные, Гуйфан, Сяньюнь, и т.д [1]. «Сяньюнь» встречается также и в более позднем произведении «Ши-цзин»[2], где в стихах поется о некоем полководце по имени Фан Шу. Общее же название кочевников в этот период было просто «ху», хотя нередко это слово переводится как «варвары», означает оно чужих или чужеземцев [1]. Ничего доподлинно неизвестно о связях государства Шан и кочевников. Однако в целом ясно, как из упоминаний в источниках того времени, так и из вещественных источников периода Шан, что контакты древних китайцев и кочевников были довольно тесными [1] [3].

Кем все эти племена были, также достоверно неизвестно. В своей работе «Опасная граница» тот же Барфилд указывает на сходство ранних кочевников, контактировавших с китайцами в этот период со скифами [4]. Гумилев считает их предками хунну [3].

В периоды Чжоу и Чуньцю (1046-403 гг. до.н.э), которые следуют за эпохой Шан в китайских источниках появляются такие племена как жуны и ди. С ними китайские государства вели борьбу на протяжении сотен лет. Как правило это были набеги кочевников и карательные походы китайцев. Такие походы проводили чжоуские Вень-ван и У-ван. Не исключено, что их действия могли оттолкнуть тогда еще не очень хорошо организованные кочевые племена дальше от территории Китая на север, где уже эти племена смогли стать хунну[4].

Уже в эпоху Чжоу в китайских источниках некоторые племена начинают подразделяться. Например, жуны делились на сижунгов, цюаньжунов, племена ди на бэй-ди и чи-ди и так далее. Уже появляются их описания, образа жизни, питания, одежды. Описываются и конфликты между кочевниками, так, например, известно о борьбе двух упомянутых племен жунов. Сами кочевники активно вмешивались в политику древнего китайского государства. В 771 году до нашей эры жуны напали на столицу Чжоу, закончив период династии Чжоу и начав период Весны и Осени (Чуньцю)[1]. Тогда более менее консолидированное китайское государство распалось на множество царств. Кочевники будут упоминаться в источниках периода Чуньцю постоянно, тем более что, именно в этот период в древнем Китае процветает литература. Конфуций, Лао-Цзы, Мо-Цзы, Сунь Цзы, все родились в это время. Китайские царства также вели войны с жунами, а самые северные из них довольно серьезно страдали от кочевников. Царство Лу вело множество войн с жунами. Сами жуны вели войны с другими кочевниками Бэйди [1] [5]. Конечно, контакты китайских царств и кочевников — это не только одни лишь войны.

Жуны нередко селились рядом с китайскими городами. В этот период происходил и товарообмен между северными кочевниками, это и лошади, и вероятно даже колесницы. Они также упоминаются в «Ши-цзин» в стихах о Фан Шу. Колесницы есть и в трактате «Искусство войны». И, что примечательно в этот период мало известно именно о коннице. Конница появляется в китайских источниках с появлением племен хунну. Существовало даже царство Чжуншань, которое основали кочевники Бэйди в северном Китае. Оно граничило с царствами Чжао и Янь. Это государство сумело просуществовать целых 120 лет, несмотря на очень маленькие размеры. Оно вело войны с соседними царствами и в конце концов было завоевано царством Чжао. Что интересно, армия самой Чжао перенимала тактику и стратегию как раз у кочевников [1].

Однако после 650-го года до нашей эры, кочевники жуны упоминаются довольно редко. Вместе с набегами кочевников на китайские царства, сами китайцы постоянно расширялись, в том числе и на север. Скорее всего, территории жунов захватывали такие крупные царства как Цзинь и Ци, которые передавали эти территории своим государствам вассалам. К сожалению, совсем неизвестно, остались ли кочевники на захваченной территории или же были вынуждены уйти на север. С другой стороны, этих кочевников теснили уже другие, под названием ху. Эти новые кочевники уже были конными, и уже совершали набеги на Китай. Они вероятно и мотивировали китайские царства, как например вышеупомянутое Чжао, создавать свою конницу [1] [3].

Последнее упоминание жунов относится к расширению воинственного китайского царства Цинь. Находясь на западе, оно не имело возможности расширяться куда-либо, кроме как на запад. В 300-ых годах до нашей эры царство Цинь захватывает большие территории, которые раньше принадлежали жунам [1]. Ещё один из основоположников легизма Шан Ян будет писать в своем труде «Книга правителя области Шан», что его царство имеет много земли, но почти не имеет людей [6]. Это может говорить о том, что кочевники в основном ушли с этих территорий. С другой же стороны, жунов могло быть просто очень мало. Само царство Цинь, из-за его контакта с кочевниками жунами, имело славу полу-варварского государства, наряду с царствами У и Чу (в этих царствах был большой элемент уже южно-азиатских племен), и ставилось в противовес чистым, китайским царствам Ци и Цзинь. И действительно, в царстве Цинь появлялись свои уникальные порядки, появился легизм, оно было довольно воинственно за свою историю, разрушив несколько не-китайских государств. А могила первого императора, который происходил из царства Цинь, это технически курган. Конечно, это не может говорить о какой-либо связи циньцев и кочевников, или о какой-то большой их роли в формировании Цинь. В конце-концов курганы в Китае были и раньше, и в других местах, однако можно предполагать, что царство Цинь вполне могло быть

подвержено влиянию жунов. Так или иначе именно это царство объединило Китай, дав начало новым отношениям Китая и северных кочевников.

После консолидации Китая, в его источниках все чаще упоминаются такие племена как хунну. Появились хунну, вероятно еще очень давно, примерно 1200 лет до н.э. Нет точной хронологии событий тех лет, тем более среди кочевников, которые нечасто могут оставить письменные источники. Однако вероятно хунну также сыграли немалую роль в вытеснении предыдущих кочевых племен. Именно хунну и были первыми конными кочевниками в Китае. К 300-ым годам хунну уже контролировали многие территории от Ордоса (современный северный Китай) до вероятно каких-то областей Сибири [4] [5]. Однако они не были единственным кочевым объединением, граничащим с Китаем.

С объединением Китая императором Цинь Шихуанди, происходит его сближение не только с хунну, но ещё и с прото-монгольскими кочевниками дунху на северо-востоке (собственно название и означает «восточные чужаки»), и возможно индоевропейскими юэцжи на западе, которые проживали в современном Синьцзяне. К этому же периоду относится строительство знаменитой Великой Китайской Стены. В то время она не выглядела как та, которую показывают сегодня туристам. В те времена, это был ряд невысоких стен и комплекс сторожевых башен. Наверядли в эпоху Цинь или даже Хань, она играла роль военного укрепления. Наоборот, во времена правления Цинь Шихуанди, именно Китай пытался проводить экспансию в степь. Из-за атак китайцев хунну были вынуждены покинуть Ордос, и не возвращались в северный Китай до падения самой империи Цинь [3].

Хунну в этот период, очевидно, не были достаточно сильны, но все начинает меняться с приходом к власти шаньюя Модэ. Под его правлением хунну разбивают дунху и ставят в зависимое положение юэцжей, а затем начинают набеги на разоренный гражданской войной Китай. Новая империя Хань увидела перед собой уже могущественную, степную империю. В 201-200 году до нашей эры, происходит и война хунну с Китаем. Бывший полководец и управляющий в городе Май, Хань Синь перешел на сторонних хунну. В ответ на это, император Китая, Гао-Цзу, начал карательную операцию против него. Именно в этой битве, в течении семи дней, Модэ почти разобьет китайскую армию, и Гао-Цзу лишь чудом смог спастись и вернуть остатки своих войск. Эта битва была самым сильным поражением китайцев от хунну [3][5]. Она нередко упоминается даже в детских исторических книжках, и именно с нее начинается период долгих конфликтов, названный хунно-китайскими войнами. Китай будет данником империи хунну вплоть до правления императора У-ди (156-87 г. до н.э), китайцы поставляли хунну предметы роскоши и продовольствие. При том, набеги на Китай продолжались. Отчасти это может быть связано с тем, что дань, отправляемая Китаем к хунну, судя по-всему была предназначена только для правящей верхушки, и простых кочевников не касалась [3]. Помимо дани, между китайцами и хунну была и торговля, в северных частях империи Хань. Хунну таким образом могли получать много зерна, а китайцы получали взамен, скот. Насколько большим объемом торговли был, неизвестно, однако в «Ши Цзи», во главе, описывающей походы против хунну, упоминается тот факт, что ханьские солдаты питались зерном, захваченным у хунну. А это немного немало, 50 000 солдат, и даже им пришлось сжечь остатки зерна, перед возвращением на родину. Это говорит о том, что товарооборот в мирное время был немаленьким [1] [3].

Интересным тут является политика империи хунну. В китайских источниках, хунну выставляются как настоящие варвары, не соблюдающие договоров. Однако даже на их основе, в действиях хунну прослеживается очень хитрая логика. Хунну не захватывали китайские территории, они их грабили, дожидались, когда китайцы их восстановят, чтобы затем ограбить ещё раз. Да, хунну нарушали условия договоров, но в след за набегами, они отправляли послов, уже с другими требованиями. Например, таким образом и была открыта торговля на северной границе Китая. Это чередование террора и выставления требований заставили Китай опасаться невыполнения обязательств. В целом, это показывает, что хунну

понимали слабости земледельческого Китая, и успешно ими пользовались. Они знали, что худой мир предпочтительнее чем война, просто потому что на ведение войны у китайцев уйдет много средств, да и это было видно по тому, что китайские армии всегда вынуждены были возвращаться, даже после побед, и это обеспечивало хунну определенную неуязвимость, несмотря на свою небольшую численность, относительно Китая. Однако это провоцировало и реакцию. Империя Хань сильнее всех китайских государств полагалась на конницу, и даже в символике империи был конь. Это в будущем позволит Китаю проводить более дальние кампании и также существенно повысит мобильность его армий [3].

В дальнейшем, в связи с войнами с хунну, в китайских источниках, таких как «Ши Цзи» и последующих, таких как Ханьшу, появляются сведения о других кочевых народах. О усунях, кангюях, динлинах, сяньби, ухуанях и т.д [1] [3]. Это связано с тем, что в период правления императора У-ди, хуннупотерпят ряд крупных поражений. Они будут отходить на запад, ближе к Восточному Туркестану, что может говорить об обширных торговых связях хунну с другими земледельческими районами, помимо Китая. Безусловно, война давалась тяжелее именно империи Хань, которой нужно было тратить больше ресурсов на боевые действия, однако последние битвы так называемой хунно-китайской войны будут проходить все западнее и западнее. Более мобильные китайские армии смогут эффективнее защищать территорию Китая, на более дальних рубежах. Эти действия в итоге разрушительно повлияли на империю хунну. Китайцы больше не платили дань и не торговали с хунну, а их оборона была более агрессивной, к тому же части самих кочевников также находились в подчинении у Китая. Лишившись Таримского бассейна, и возможности эффективных набегов, империя хунну в конце-концов вынуждена была уступить свое место другим кочевникам. В самой империи Хунну произошел раскол [3].

Другие кочевники также осмеливались нападать на хунну. В 78 году до нашей эры, это впервые сделали ухуани, потомки кочевников дунху, которых разгромил ещё Модэ. Следом за ними Усуни восстают против хунну и становятся союзником империи Хань. Затем на хунну напали и динлины. Хунну оказались под атаками чуть-ли не со всех сторон. А в 60 году до нашей эры в империи Хунну случилась гражданская война. Этим всем воспользовался Китай, часть хунну, под властью шаньюя Хуханье (которые известны как южные хунну) вошли в его подчинение. Тогда у хунну было мало выбора, войны и бедствия скорее всего сильно сократили численность хунну, и поставили их под угрозу уничтожения [1; 3].

С этого момента, кочевники принимают участие в жизни империи Хань. Хунну, как и жуны могли жить рядом с китайскими городами или же становиться горожанами. Многие хунну будут находиться на службе у империи Хань, наряду с ухуанями, динлинами и юэчжами на западе [7]. Северные хунну, что не подчинились Китаю были разбиты, не в последнюю очередь благодаря и самим кочевникам. Так в Китае и родилась политика «использования варваров, для контроля варваров». Например, против северных хунну нередко использовалось местное население Таримского бассейна, как раз эти самые юэчжи. Хунну смешаются с китайцами и будут участвовать в политической жизни поздней династии Хань, а после и основывать независимые царства. В конце династии Хань, на смену хунну придут сяньби [3] [7]. Китай будет находиться в смуте, и не сможет противостоять им. Не смогут этого сделать и хунну. Но хунну не исчезнут, они продолжат жить в Китае, и видимо разнообразие кочевников даже увеличится. После падения династии Хань, вплоть до империи Тан качество исторических источников ухудшится, однако отношения кочевников и Китая будут продолжаться вплоть до Нового Времени, а их роль в Китае лишь возрастет [8].

В целом, в древний период, наблюдается переход от конфликтов в кочевников с Китаем к их добровольной китаизации, от жунов до хунну. А территория северного Китая станет местом культурного столкновения китайской и кочевых цивилизаций. И кочевники, и

Китай на протяжении истории перенимали друг у друга элементы культуры, военной и политической науки, вероятно даже языка. К сожалению статья не может вместить в себя всю историю отношений кочевой и китайской цивилизации, даже указанный период здесь рассмотрен в очень сокращенном виде, без подробного анализа событий и явлений. Однако она показывает сложность истории взаимодействия двух культур, а также показывает их важность для Истории Древнего Казахстана.

Список литературы:

- 1 СымаЦянь. Исторические Записки.
- 2 Шицзин. Книга песен и гимнов.
- 3 Гумилев Л. Н. История народа Хунну.
- 4 Дж. Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай.
- 5 Бичурин Н.Я. Собрание сочинений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1.
- 6 Шан Ян. Книга правителя области Шан.
- 7 Гумилев Л. Н Хунну в Китае.
- 8 Фан Сюаньлинь. История династии Цзинь.
- 9 Кюннер И. В. Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.
- 10 Крадин Н. Н. Империя хунну.
- 11 Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от Древности к Новому Времени.

1771 ЖЫЛҒЫ «ШАҢДЫ ЖОРЫҚ»: ҚАЗАҚ-ҚАЛМАҚ ҚАТЫНАСТАРЫНЫҢ СОҢҒЫ БЕЛЕСІ

Смағұлов Н.Б., Тельман Ұ.Д.

Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті

Кіріспе

Мақала тақырыбының өзектілігі. XVII ғасырдың 40-шы жылдары мен XVIII ғасырдың 70-ші жылдарына дейінгі 150 жылға созылған қазақ-жоңғар соғысы қазақ елінің тарихында орасан зор рөл атқарды. Бұл соғыс Қазақ хандығының болашақтағы геосаяси, геогеографиялық жағдайына, демографиясына және тәуелсіздігінің сақталуына әсер етті. XVIII ғасырдың алғашқы онжылдықтарында Қазақ хандықтары әртүрлі сыртқы саяси мән-жайлардың ықпалымен өте қиын халықаралық жағдайға ұшырады. Мұның алдында дүниежүзілік сауда коммуникацияларының құрлық аумағынан Атлантика бассейніне ауысуына және Ресей империясының – Еуропаның оңтүстік-шығысы мен Сібірге және Цинь империясының Орталық Азияға әскери-саяси өктемдік етуінің жедел өрістеуіне байланысты Қазақ хандығы мен Жоңғар мемлекеті қиын жағдайға тап болады. Империялардың өктемдігінен көшпелі халықтар сауда жолдарынан біртіндеп ығыстырылып шығарылды. Ұлы даланы ежелден мекендеген қазақтар мен қалмақтардың кеңістігі қысқартылып, көшіп-қонудың дәстүрлі жолдары мен бағыттары өзгертілді. Жайылымдық жерлер және жақын жатқан аумақтардың сауда орталықтарына еркін баруы қиындаған көшпелі халықтар арасындағы өзара жанжалдардың өршуіне әкеліп соқты. Осының негізінде Қазақ-Жоңғар қарым-қатынастарында әскери тайталастың жаңа түйіні пайда болып, ол XVIII ғасырдың өн бойында Еділ, Жайық бойының, Батыс Сібірдің оңтүстік бөлігінде және Орталық Азия аймақтарының бүкіл кеңістігін қамтыды. XVIII ғасырдың басынан бастап қазақтардың сол